

Фуюки, учитывая все обстоятельства, был тихим городом. Те небольшие преступления, которые там совершались, обычно сдерживались и контролировались якудзой, а под руководством Фудзимурэ Райги они были гораздо менее склонной к насилию группой и более традиционной организацией – в основном они занимались пороком и коррупцией, а беспорядки на улицах плохо сказывались на бизнесе. Таким образом, жители Фуюки не привыкли к тому, что их повседневная жизнь была нарушена насилием.

(В интересах Тосаки было сделать это таким образом, и так оно и было.)

Тем не менее, сцену на двух пригородных улицах можно было описать только как зону боевых действий. Тротуар был весь в ямах и трещинах, бесчисленные выбоины вырыты на дороге, как будто она подверглась обстрелу со стороны истребителя. Телефонный столб фактически полностью упал, и только согласованные усилия местных жителей и государственных служащих, присланных на помощь, сдвинули его так, что он больше не перекрывал движение. Все остальные окна в домах по обе стороны были разбиты или вообще разбиты.

Они сказали, что вчера поздно вечером произошел несчастный случай с фейерверком, и, конечно, так оно и должно было быть. Это не выглядело как фейерверк, с которым был знаком кто-либо из местных жителей, но как еще вы назвали бы дождь из зеленого света, падающий с неба и разрушающий окрестности?

В течение дня старожилы заявляли о самых разных вещах, обвиняя правительство, инопланетян или демонов. Один мужчина настаивал, что видел похожие странные события, когда был мальчиком, шестьдесят лет назад, и мрачно предупредил, что будет хуже, прежде чем станет лучше.

Вполне возможно, что он был прав. Хотя ничего более масштабного не было... что бы это ни было, время от времени что-то просто ... ломалось. Уличные фонари, телефонные столбы, секции стены или забора – внезапно, из ниоткуда, они имели тенденцию взрываться без причины, как будто разбитые какой-то огромной силой.

Ходили слухи, что это был какой-то злонамеренный розыгрыш, группа детей со взрывчаткой в рамках кампании террора или даже что-то похуже. Полиция отрицала что-либо подобное, но было ясно, что проблема выходит из-под контроля. Каждый раз, когда ремонтировался участок улицы, что-то еще ломалось, как будто кто-то пытался помешать ремонту – или просто терроризировать и преследовать жителей.

Только один дом остался нетронутым, спасенным от какого бы то ни было бедствия, обрушившегося на этот район. Местные жители знали, что это был дом Тосаки... а кроме этого, вообще ничего. В то время как сам Тосака Токиоми был чем-то вроде местной фигуры – едва ли известной, разве что в правильных кругах, но, по-видимому, вовлеченной на каком-то уровне во все понемногу – ни одна из семей на улице никогда не была в его доме.

Семьи с маленькими детьми знали немного больше о дочери Рин, в основном в виде слухов, которые их дети с благоговением повторяли после школы. Но даже тогда девушка Тосака очень редко удостоивалась посещения чужого дома и, конечно же, никогда никого не приглашала обратно. В последнее время она была за городом со своей матерью. Сплетники придавали большое значение тому факту, что Токиоми осталась позади.

Они сделали гораздо больше о другой женщине, которую иногда можно было увидеть из окон дома.

Некоторые говорили, что она выглядела как монахиня, хотя другие думали, что она была, не

придавая этому слишком большого значения, просто одетая в костюм "монахини". Конечно, это никого не касалось, но она появилась только тогда, когда ушла Тосака Аой, и разве этим не сказано все? В зловещем воображении дюжины скучающих домохозяек в таинственном доме происходили восхитительно невыразимые вещи. С наступлением ночи не один наблюдатель по той или иной причине осторожно присматривал за окнами.

Однако никто не наблюдал за происходящим так незаметно, как Слуга-убийца. Как всегда, она наблюдала в тени, прислушивалась к разговорам вокруг нее и создавала картину в своей голове.

Наблюдение за домом Тосаки могло показаться немного бессмысленным теперь, когда они знали, кто его слуга, но все еще оставалось много ценной информации, которую нужно было узнать. Очевидная вражда между Мату и Тосакой на самом деле была единственной игрой в городе на данный момент, и если что-то развивалось, Кирицугу хотел знать об этом немедленно. Однако по настоянию Ири он остался дома на ночь, воздействуя на чувства Сиренити, будучи прикованным к постели.

Среди прочего, он хотел знать, каким будет следующий шаг. После первого залпа Арчера остаток ночи прошел спокойно – только для того, чтобы днем они начали стрелять по дому Тосаки. В течение нескольких часов, всякий раз, когда Тосака или его Слуга появлялись в окнах, с ясного, как восход солнца, неба вылетала стрела, безошибочно нацеленная в их сердца.

Это не было технически против правил, но это было слишком. Не помогло и то, что защитные сооружения Тосаки, казалось, были отремонтированы, на месте сапфира лежал прозрачный драгоценный камень, который, казалось, был создан для защиты дома за счет улицы вокруг него.

Всякий раз, когда стрела попадала в новое ограниченное поле, она ни в малейшей степени не отклонялась – она просто появлялась из другой части пузыря, не теряя инерции, обычно для того, чтобы вонзиться в то, что осталось от улицы за ним. И снова, это было элегантное решение проблемы подавляющей силы ... но это ничего не делало, чтобы помочь сохранить тайну магии в тайне. Даже для тех, у кого нет глаз, чтобы видеть, постоянных нарушений на низком уровне было более чем достаточно, чтобы вызвать подозрения.

Однако сейчас была ночь, и улицы снова были чисты. Без невинного населения Фуюки, которое могло бы встать у нас на пути...

Сиренити притаилась между двумя зданиями, довольно далеко позади. У нее не было иллюзий – она ни за что не рисковала попасть в Благородный фантом Арчера. Не сводя глаз с дома, она ждала. Если войне суждено было развиваться, она будет развиваться здесь. Да ... конечно...

Рюноскэ знал, что на самом деле он не внес большого вклада во всю эту "Войну Грааля", но у него было одно преимущество перед Ибараки – его знание текущей эпохи в целом и Фуюки в частности. Итак, он сел, хорошенько подумал и ему в голову пришла блестящая идея.

Со вчерашнего вечера было очевидно, что тот, кто должен был руководить этой войной, на самом деле не заботился о сопутствующем ущербе, только о том, чтобы не было свидетелей. Но исподтишка убирая отставших, бездомных и ночных работников, как это было раньше, Ибараки слишком долго наращивал силу. Что им было нужно, так это большая группа людей в одном месте, у которых не было бы шанса сбежать.

Пружинистой походкой Рюноскэ шел по улицам развлекательного района Фуюки, таким, каким

он был. Фуюки не совсем Токио... но не то чтобы там не было ночной жизни. Яки были заинтересованы в управлении сценой, даже если никто другой этого не делал, а поскольку к востоку от реки разрабатывался Shinto, там было много недвижимости, которая только и ждала, чтобы ее превратили в прибыль.

Ночь еще не стала по-настоящему холодной – и новая черная куртка Рюноскэ в любом случае сделала многое, чтобы хоть немного согреться, а огни ресторанов и баров заливали улицу теплым сиянием. В воздухе пахло едой и алкоголем, и вокруг царил приятный гул разговоров. Это была прекрасная ночь для прогулок.

Рюноскэ не смог сдержать ухмылку на лице. Это должно было быть так круто.

Чему ты ухмыляешься, призыватель? Ты выглядишь дураком. Помни наш план. Мы не должны привлекать к себе внимания... во всяком случае, не раньше положенного времени. Он не мог видеть Ибараки, но теперь он знал, когда она гадко улыбалась.

Он пожал плечами. На улице было полно людей, которые выделялись больше, чем он. Беспокоиться было не о чем. "Что вы имеете в виду под "нашим" планом?" Это все я, насколько я могу видеть ".

Верно, у тебя была адекватная идея и ты предоставил подходящее место. Это было хорошо продумано... для тебя. Но, призыватель, ты умеренно успешный серийный убийца. Я был генералом горы Оое они. Не притворяйтесь, что мои предложения не улучшили схему атаки.

"Эх. Я больше сторонник масштабных картин. Признай, это будет здорово".

О, я уверен. Я ... умеренно впечатлен твоей полезностью, призыватель. Ты жалок и ничтожен, но часто знание местности может привести жалкую и ничтожную армию к победе над превосходящими силами.

"Это был ... комплимент?" Бестелесное раздражение было всем, что он получил в ответ, и Рюноскэ громко рассмеялся.

Впереди была их цель. Их цель. В темном углу, на боковой улице, лестница вела вниз, в своего рода внутренний двор. В это время ночи там не было большой очереди, и вышибала нетерпеливо ерзал.

Это был бар "Копенгаген", гласила деревянная вывеска снаружи. Не очень особенный бар, учитывая все обстоятельства – были и получше, и похуже, и, конечно, дешевле. Но у этого конкретного бара действительно была пара больших преимуществ, которые сделали его идеальным для того, что он запланировал. И если бы Рюноскэ не был местным, не провел несколько довольно разочаровывающих ночей в этом самом заведении, он бы никогда не узнал об этом.

Первое большое преимущество: это был бар якудзы. Не эксклюзивный, он был открыт для публики, но из этого места шла крупная торговля наркотиками. Что означало, что, что бы ни случилось, сегодня вечером реакции полиции не будет. Яки, как правило, сами о себе заботились. Однако это означало немного дополнительную безопасность – в данном случае, стальную дверь, которую нужно было открыть изнутри, как только вышибала снаружи подаст правильный сигнал.

Рюноскэ подождал, пока все, кому оставалось зайти внутрь, сделают это, затем направился ко входу, небрежно помахав вышибале, невысокому и коренастому мужчине в черной куртке и

брюках, когда тот достиг нижней ступеньки лестницы.

На самом деле, он был одет примерно так же, как Рюуноскэ в данный момент.

"Привет, приятель!"

"Эй..." неуверенно ответил вышибала. "У тебя есть удостоверение личности, друг?"

Рюуноскэ демонстративно похлопал себя по плечу. "Э-э... конечно, просто позволь мне..." Он пошарил в левом кармане, затем в правом, затем полез во внутренний карман куртки.

"Послушай, знаешь что, - сказал вышибала, - я поверю тебе на слово, я знаю, что ты достаточно взрослый, просто заходи внутрь ..."

"Нет, нет, не может быть, я знаю, что это было у меня здесь ..." Рюуноскэ порылся еще немного. Внутренний карман куртки, задний карман брюк. Он достал свой бумажник, его лицо просветлело, и вышибала нетерпеливым жестом пригласил его внутрь. Затем Рюуноскэ положил его обратно. "Нет, не там, достал для работы ..."

Он искал себя еще несколько секунд, затем поднял извиняющийся взгляд.

"Ах, черт, оставил это в другой моей куртке".

"Все в порядке", - сказал вышибала сквозь стиснутые зубы. "Просто заходи, и мы больше не будем говорить ..."

"Нет, нет, это было бы неправильно. Знаешь что, мне жаль, что я трачу твое время подобным образом, так что как насчет того, чтобы я ненадолго занял твое место у двери, а ты заходи внутрь и выпей чего-нибудь?"

Вышибала посмотрел на него так, как будто он сошел с ума. "Э-э... нет. Послушай, если ты здесь только для того, чтобы пошалить, мне придется перевести тебя дальше".

Рюуноске прикусил язык в притворном разочаровании. "Что ж, это твой выбор, но с этим следующим клиентом, похоже, действительно трудно иметь дело ..."

"Что дальше..."

В пустынном дворе вспыхнул огонь, на мгновение ослепив Рюуноскэ. Когда круги перед глазами рассеялись, Ибараки был там, прижимая вышибалу к стене за горло. Он боролся и царапал ее руку, но с таким же успехом он мог быть малышом рядом с Ибараки.

"Гвардеец", - прошипела она. "Я желаю войти в эту таверну. Впусти меня, и я убью тебя".

"Эм..." - начал Рюуноскэ. Он подумал, что она, возможно, где-то там немного заблудилась.

"Или, скорее, я просто убью тебя", - пояснил Ибараки. "Если ты преградишь мне путь, я возьму на себя труд искалечить и твою душу. Ты придешь в любую загробную жизнь, для которой тебе предназначено, искалеченным. У тебя может не хватать руки. Или лица. Или твоих высших эмоциональных функций. Ты сомневаешься во мне?"

Вышибала в ужасе покачал головой.

"Тогда пропустите меня. Действуйте быстро!" Ибараки отпустил мужчину, который рухнул на

колени, кашляя. Он бы остался там, но, услышав рычание Ибараки, он вскочил на ноги и несколько раз постучал в дверь. Послышался звук отодвигаемого засова, и со скрипом открылась дверь.

"Очень хорошо", - сказала Ибараки. Молниеносным толчком она разбила голову вышибалы о стену и прошествовала внутрь.

Рюноскэ посмотрел на труп, уже начавший пачкать каменный пол. "Надо было зайти внутрь и выпить, когда у тебя была возможность, приятель. И все же..." Он закрыл дверь и начал обыскивать одежду мертвеца.

Другое большое преимущество этого места - и причина, по которой он выбрал его для их небольшой прогулки сегодня вечером, - было простым. Это было старое здание, и оно на самом деле не соответствовало ни одному из новых правил о том, что должно быть в барах. Обычно это выявлялось во время регулярных проверок здоровья и безопасности... если бы не Якудза, подобное случалось с другими людьми. Так что в этом конкретном баре не хватало нескольких важных вещей, которые были бы в большинстве других баров.

Пожарные выходы, например.

Был один вход и один выход. И демон стоял между сотней людей и единственным выходом.

Рюноскэ нашел связку ключей и запер дверь как раз в тот момент, когда начались крики.

"... Я думаю, ты не хочешь того, что у них есть".

Хотарузука Отоко - или Нэко-сан, для ее друзей - не должна была работать в Копенгагене. Но хотя ее отец в основном был довольно хорошим менеджером в этом заведении, он был ужасен в поиске людей на смену, поэтому она помогала ему всякий раз, когда он просил.

Если бы полиция когда-нибудь пришла для выборочной проверки, у них было бы много проблем, позволив четырнадцатилетнему подростку продавать алкоголь... но это было маловероятно. Она уже некоторое время знала, что "Копенгаген" связан с тем, что считалось преступным подбрюшьем Фуюки. Это не было чем-то, что кто-то конкретно сказал ей, она просто ... где-то подхватила идею, что она живет и работает в баре якудза.

Это было прекрасно. Действительно, это было. Конечно, многие парни, которые пришли, выглядели устрашающе, с бритыми головами или татуировками, или просто взглядом, который заставлял Нэко-сан нервничать. Но ни разу ни у кого из этих парней не было проблем - а в тех редких случаях, когда были проблемы у кого-то другого, эти ребята очень вежливо просили их уйти.

(Узнав, что они работали на семью ее одноклассницы, Нэко-сан перестала нервничать из-за них - потому что Тайга Фудзимура была такой жизнерадостной и энергичной, что она не могла представить, что с ней может быть связано что-то действительно плохое.)

Итак, да, Нэко-сан всегда чувствовала себя в безопасности в компании якудзы.

До сих пор.

В баре воцарилась тишина, все разговоры прекратились, пока все смотрели на девушку в бананово-желтом кимоно, которая только что вошла, и на отрубленную голову, которую она бросила на пол.

Она, казалось,... направлялась на костюмированную вечеринку? Кимоно было не такой странной вещью для ношения, хотя обычно они не были такими короткими. Но когда Нэко-сан присмотрелась, она заметила маленькие детали, которые были не совсем правильными. Руки и босые ноги, красные, когтистые, демонические. Рога, торчащие из лба. Глаза, кошачьи и злобные.

"Приветствую", - сказала девушка. "Я Ибараки-доджи. Я здесь, чтобы выпить, а затем убить вас всех. Для начала я выпью пять бутылок вашего лучшего саке".

Никто ничего не сказал. Девушка - Ибараки-доджи - нахмурилась и перебросила свои длинные светлые волосы через плечо. "Если я должна служить себе, я рассержусь. Разве это не таверна? Ты, девочка!" Она указала на Нэко-сан. "Я не хочу повторяться. Принеси мне вина, или тебе не понравится то, что последует дальше".

Послышался скрежет отодвигаемого стула, и Ишияма Гори медленно поднялся на ноги. При росте шесть футов пять дюймов пришлось немало потрудиться, чтобы подняться. Его бритая голова, шрамы и татуировка на шее выдавали в нем настоящего якудзу, а гора мускулов принесла ему прозвище "Горилла-чан" среди товарищей. Он неуклюже подошел к Ибараки и положил массивную лапу на крошечное плечо. "Тебе следует уйти, девочка", - пророкотал он.

Там было ... размытое пятно. Горилла-чан взвыл от боли, схватившись за запястье, которое теперь согнулось под углом в девяносто градусов.

"Ты называешь меня простой девушкой? Я они с горы Оое, человек, и я не давала тебе разрешения поднимать на меня руки", - прорычала девушка, ее оранжевые глаза сверкали. "Я доберусь до вас вовремя. Однако, как я уже много раз говорил к настоящему времени, я хочу выпить первым. Можете ... можете ли вы все меня понять? Я уверен, что правильно говорю на вашем грязном современном языке ..."

Горилла-чан взмахнула огромным кулаком. Нэко-сан видела, как он ломал доски толщиной в дюйм этими руками, и тогда он прилагал меньше усилий, чем сейчас. Ибараки не защищалась, а наклонилась навстречу удару, поймав его на рога.

Удар пришелся в цель. Девушка не пошевелилась. Другое запястье Гориллы-чан сломалось.

Девушка резко дернула головой вперед в жестоком ударе головой. Несмотря на то, что она была невысокой, ее рога соприкоснулись прямо с животом Гориллы-чан ... и вонзились с тошнотворным треском. Огромный мужчина растянулся на земле, хватая ртом воздух, но не в состоянии полностью вдохнуть. Девушка безжалостным взглядом наблюдала, как он борется с пробитым легким.

Большинство посетителей съежились на своих местах, но больше мужчин встали, вытаскивая пистолеты, ножи и даже дешевый меч. Ибараки усмехнулся. "Ты настаиваешь на том, чтобы умереть первым? Я отказываюсь тебе помогать. За твою дерзость ты можешь сломаться и страдать, пока я не пожру твою душу". Она развела руками и ухмыльнулась, показав клыки. "Приди!"

И они пришли. Невысокий мужчина возглавил атаку, низко опустив нож, в то время как двое мужчин в белых костюмах приблизились с обеих сторон, стремясь зажать Ибараки между ними. В последний момент девушка изогнулась, и нож оцарапал ее живот, как будто он пытался разрезать камень, а не плоть. Одна рука - красная, когтистая, демоническая - схватила владельца ножа за запястье, прежде чем он смог отстраниться, а другая нашла его плечо, больно впившись.

С помощью гаечного ключа девушка отстранилась, и рука освободилась. Девушка сделала выпад влево и вниз, обрушив свою импровизированную дубинку на ногу одного из нападавших, затем опустила ее на плечо другого. Все трое мужчин рухнули.

ТРЕЩИНА.

Нэко-сан вздрогнула, когда звук выстрела заполнил тесный бар. Она была не единственной, и раздались крики неподготовленных посетителей.

Последовало еще кое-что, когда трое якудза с пистолетами открыли огонь, выйдя на открытое пространство в центре комнаты, чтобы прицелиться.

Девушка казалась более смущенной, чем что-либо другое, когда пули просвистели мимо нее. "Огнестрельное оружие? Кажется, оно хорошо продвинулось за последние столетия. Но если вы думаете, что ваше современное оружие поможет вам ..."

Там было размытое пятно, и она стояла прямо рядом с мужчинами, раздавливая локоть центрального стрелка одной рукой. Когда она сжала его, раздался влажный хруст, и лицо мужчины побледнело. "... ты прискорбно ошибаешься".

Пара пистолетов выстрелила в нее в упор, и она дернулась в сторону, чтобы избежать пуль. Движение сбilo беднягу, которого она удерживала, с ног, и демону потребовалось время, чтобы погрузить все пять пальцев ему в живот, когда он падал. Пистолеты были нацелены на нее, но Ибараки отбил одно из них в сторону с такой силой, что оно разбилось о дальнюю стену, и схватил другое хваткой, похожей на тиски. Она медленно приставила дуло ко лбу и уставилась на последнего стрелка властным взглядом.

"Стреляй, человек, если тебе от этого станет лучше", - сказала она. "Давай! Будь героем, убей они!"

Ему не нужно было повторять дважды, он сразу разрядил обойму в упор.

Это не произвело никакого эффекта, и Ибараки ухмыльнулся. "Очень жаль". Одним движением руки она превратила пистолет в груды раздавленных обломков, а затем ударила его владельца обломками в челюсть. Вылетели зубы, и голова мужчины отскочила от пола с такой силой, что осталось пятно.

И на этом все. Все, кто был готов сражаться, были повержены - и, верный слову девушки-демона, никто не был убит. Искалеченный, искалеченный, сломленный, но не мертвый. Пока.

Офисная дама, стоявшая недалеко от двери, бросилась бежать, вскочив со своего места и спотыкаясь, направляясь к выходу. Ибараки, казалось, не был обеспокоен.

"Дураки", - сказала она, очевидно, обращаясь ко всей комнате. "Как будто я могла просто оставить за собой путь к спасению. Я сказала вам, что была здесь, чтобы поглотить вас. Вы мне не поверили?"

Раздался стон отчаяния и звук рук, отчаянно колотящих в металлическую дверь, которая вела в безопасное место.

"Извините меня, - сказал Ибараки, - я вернусь".

Она подошла к потенциальной беглянке и схватила ее за шиворот куртки. Она потащила

женщину обратно к столу, за которым она сидела, откуда, похоже, ее коллеги по работе в ужасе наблюдали.

"Не пугайся", - продолжил демон. "Я не держу зла на тебя за попытку сбежать. Я не заставлю тебя чрезмерно страдать". Женщина захныкала от облегчения и начала, заикаясь, благодарить. "Однако мне действительно нужно с чего-то начать - так что спасибо вам за добровольчество".

С этими словами она швырнула женщину на стол и вскочила, оседлав ее.

"Подожди!" - закричала она. "Пожалуйста! У меня дома есть мать, семья - не убивай меня!"

"С какой стати ты думаешь, что это имеет значение?" - спросила Ибараки, звуча искренне смущенной. "Честно, человек ..." Она согнула когти и провела ими по щеке своей жертвы, выпустив кровь.

"Нет! Ребята, не сидите просто так! Помогите! Кто-нибудь!" Друзья мужчины выглядели пораженными, но никто из них не пошевелился. Они просто сидели, застыв от страха, пока Ибараки расстегивала куртку и рубашку своей жертвы.

"Если кто-то хочет предоставить вам отсрочку, он волен это сделать", - небрежно сказал Ибараки. "Все, что им нужно сделать, это добровольно".

Умоляющие глаза женщины нашли молодого человека, который резко выпрямился и уставился на сцену перед ним. Он открыл рот, затем закрыл его, сглотнув, и отвернулся. Женские крики усилились.

"Хватит об этом", - сказала Ибараки. Она наклонилась, открыв рот...

"Я займу ее место", - раздался голос. Все глаза в комнате обратились к говорившему. Старик встал со своего места и шагнул вперед, его ноги дрожали. "Возьми меня вместо нее. В любом случае, мне недолго осталось жить в этом мире."

"На самом деле нет", - сказал демон. "Очень хорошо, сделка заключена. Твоя жизнь взамен ее". Она одним плавным движением скатилась с рыдающей женщины и пересекла стойку, чтобы встать перед стариком. Она положила когтистую руку на его морщинистую щеку, и хотя мужчина вздрогнул, он остался тверд. "Хм. Я восхищаюсь твоим мужеством, человек. Это будет быстро".

Ее большой палец дернулся, и мужчина осел, из его горла потекла кровь. Ибараки почти нежно уложил его на пол, наклонился и...

... ну, съел его.

Несмотря на ее слова, это было не особенно быстро, и Нэко-сан на всю оставшуюся жизнь запомнит подергивания и неудачные попытки закричать, которые издавал старик, когда его ели заживо. Никто не пошевелился, никто не сказал ни слова. Нэко-сан хотела нарушить тишину, убежать, пока монстр отвлекся... но страх приковал ее ноги к полу. Она цеплялась за надежду, какой-то чистый инстинкт жертвы, что если она будет вести себя тихо, не привлекать внимания, ее оставят в покое. Женщина, которая была спасена, прижала свой домкрат к груди и тихо заплакала.

В конце концов, это было сделано. Это заняло не более нескольких минут ужаса. Ибараки

выпрямилась, вытирая рот.

"Отлично. Я уже чувствую себя сильнее. Теперь ..." она повернулась обратно к женщине, которую она отпустила. "На чем мы остановились?"

Женщина побледнела, выглядя так, как будто... ну, как будто ей предоставили отсрочку казни только для того, чтобы сообщить, что она все равно состоится. "Но ... вы сказали... он вызвался добровольно ..."

"Хм? О, да. Он действительно вызвался добровольцем и занял твое место". Внезапно Ибараки оказался рядом, прижимая женщину к столу. "Как первый, кого съедят."

Нэко-сан почувствовала, как у нее скрутило живот, и поняла то, в чем она пыталась не признаваться самой себе с тех пор, как девушка-демон вошла в комнату.

Никто не выходил отсюда живым.

Дело сделано. Рюноскэ дернулся от внезапного голоса в своей голове, затем расслабился. Взглянув на часы, он обнаружил, что прошло уже пару часов с тех пор, как он запер Ибараки в баре вместе со всеми. Звуки, доносившиеся изнутри, были действительно очень интересными, и ему отчасти захотелось быть там и наблюдать. Но, ну, кто-то должен был следить за дверью, чтобы люди не сочли странным, что в баре нет охраны.

Вместо этого он практиковался смотреть на вещи глазами Ибараки. Она сказала ему, что это возможно, и, очевидно, это использовало ту же ментальную связь, которую она использовала для разговора с ним. Он попробовал, но все, что он действительно получил, были вспышки - брызги крови, люди, бегущие в панике, что-то в этом роде. Честно говоря, возможно, ему все это просто почудилось.

"Мне нужно открыть дверь?" он позвал.

Иногда ты задаешь глупые вопросы, раздался презрительный голос его Слуги. Рюноскэ стоял далеко от двери.

Через секунду она смялась под силой титанического удара изнутри. Со скрежетом истерзанного металла она согнулась почти пополам, срываясь с петель, затем вылетела наружу и врезалась в стену на другой стороне двора. Ибараки прошествовал внутрь.

Она была вся в крови, ее желтое кимоно было забрызгано темно-коричневым, а рот и подбородок были покрыты липкой, тягучей кровью. Она улыбнулась Рюноскэ, и его сердце пропустило удар.

"Повеселились?" спросил он.

"Это никогда не было для того, чтобы я повеселился, хозяин. Это было необходимо, если я хотел получить прану, необходимую для борьбы с другими слугами ... но да. Это была приемлемая ночь".

"Эй, никогда не позволяй говорить, что я не знаю, как развлечь девушку". Он посмотрел на здание позади них. "Итак, у тебя достаточно сил, чтобы убраться все улики, как мы и говорили?"

В ответ Ибараки протянула левую руку, и в ней появился гигантский костяной клинок. Взяв его на плечо, как будто он был сделан из пенопласта, она повернулась лицом к бару, который

только что покинула. Приняв стойку с низко опущенным мечом за спиной, она начала собирать силу.

Рюноскэ не был волшебником, но даже он мог почувствовать разницу. Это началось с тепловой дымки вокруг ее рук, затем языки пламени вокруг ее волос – но вскоре воздух вокруг Ибараки искажился, а сама девушка стала почти раскаленной.

"О", - сказала она, подумав. "Возможно, ты захочешь отойти подальше, призыватель".

Да, он отчасти понял это по тому, как его волосы начали опалиться, даже когда он стоял в двадцати футах от своего Слуги. Рюноскэ поспешно отступил на другую сторону улицы и устроился наблюдать.

Правая рука Ибараки легла на эфес ее меча и крепко сжала его. На мгновение она замерла.

Затем она замахнулась.

Меч вонзился в стену здания, как будто она была сделана из бумаги, но это было самое малое. С ударом Ибараки вся сила, которую она сдерживала, вырвалась наружу разрушительной волной. Металл расплавился, кирпич обгорел, дерево мгновенно превратилось в пепел. Воздух взорвался с такой силой, что у Рюноскэ заложило уши, хотя он был далеко.

Огонь имел обыкновение разрушать структурную целостность зданий даже в лучших случаях, поскольку жизненно важные элементы были деформированы, размягчены или съедены полностью. Это был не лучший из случаев. Во-первых, пламя Ибараки было таким горячим и появилось так внезапно, что больше походило на взрыв, чем на медленно разгорающееся пламя. Во-вторых, Ибараки физически снесла большую часть внешней стены одним взмахом своего меча.

Копенгагену потребовалось несколько минут, чтобы пасть, но он пал. В конце концов, все, что осталось, - это пылающие обломки, в которых уже с трудом можно распознать здание. Все тела, которые оставил Ибараки, были бы обуглены до неузнаваемости, и, конечно, никто не смог бы сказать, как они умерли.

Власти списали бы все это на ужасный несчастный случай: такой позор, что здание не соответствовало кодексу, такая трагедия. Или, может быть, они копнули бы немного глубже, выяснили бы, что "Копенгаген" был баром якудзы, и начали бы расследовать бандитское насилие. В любом случае – последнее, что кто-либо заподозрил бы, это то, что воскресший демон сделал это, чтобы скрыть тот факт, что она съела души всех в здании.

Видишь? Это был потрясающий план.

И теперь, когда его Слуга полностью заряжен, они могут начать по-настоящему веселиться.

Три раза.

Трижды с неба шел дождь зеленого уничтожения. Трижды улица была разрушена божественными силами. Трижды оболочка Тарраска предотвращала причинение вреда своей цели.

На этот раз Сиренити не вмешивалась. Если Мато и Тосака хотели потратить все свое время и энергию, запертые в безвыходном положении, она не собиралась спорить.

В любом случае, она мало что могла сделать против высвобождаемых сил. Любой из Благородных Фантазмов, столкнувшихся друг с другом, использовал больше магической энергии, чем она могла потратить за ночь. Первый раз это было сразу после захода солнца, как только улицы очистились от людей. Второй раз - в полночь. И последний раз - ранним утром...

На какое-то мгновение зеленый дождь повис в воздухе, обещание смерти сияло, как луна. Затем он удвоился в размерах. И снова. Свет становился все ярче и ярче, пока не стало казаться, что утро наступило на несколько часов раньше...

И затем это ужасное зеленое солнце упало на Землю с шокирующей внезапностью.

Раньше стрелы были подобны молнии - но теперь каждая несла в себе силу упавшей звезды, врезавшись в щит с таким оглушительным грохотом, что все окна, оставшиеся нетронутыми на милю вокруг, немедленно разлетелись вдребезги, и даже Сиренити была вынуждена зажать уши руками.

Это было похоже на конец света.

Это должно было быть командное заклинание. И без того чудовищный Благородный Фантом, наделенный абсолютным приказом, способный превзойти саму логику Гайи и превратиться в атаку, способную превратить горы в пыль. Даже оболочка Тарраска выглядела хилой и хрупкой перед такой нелепой атакой...

... пока эта оболочка не выросла в два раза больше и в три раза толще, усиленная своим собственным командным заклинанием. За мгновение до того, как должен был упасть первый метеорит, она превратилась в непоколебимую стену, которая выдержала штурм - не без царапин, не без ямочек, шрамов и почти почти сломана... но это выдержало.

После этого больше не было залпов от Арчера. Мату понял, что попытки прорваться с основными силами, казалось, были бесполезны.

Взошло солнце - на этот раз по-настоящему, осветив разрушенную улицу. Повсюду был разбросан мусор, дерево, стекло и каменные осколки. На улице едва ли был квадратный фут, который не был разрушен, и только чудо сохранило все дома. Но на данный момент Война закончилась.

Вдалеке зазвонили церковные колокола. Звук проник в уши Сиренити, его невозможно было игнорировать, он перерос в сердитый рев ... прежде чем резко оборваться.

Сиренити не была каким-либо магом, но она распознала магический эффект, когда услышала его. Колокола звенели в ушах любого, обладающего духовными чувствами, и использовали лейлин, проходящий через Фуюки, чтобы связаться с любым человеком в городе, независимо от того, могли они слышать физические колокола или нет. Это был один из предустановленных сигналов, который знали все официальные Мастера, и послание было ясным.

Ведущий созвал всех участников Войны.

И, похоже, он был недоволен этим.